Библиотека сатиры и юмора

PG3476
.P84
S68
1926

И. Прутков

СОВЕРШЕННО СЕРЬЕЗНОЕ

Издательство „ЗИФ"

Константин Елисеев. 1925.

СОБРАНИЕ
М.И. Чулкова

2092 м/81

БИБЛИОТЕКА САТИРЫ И ЮМОРА

PG3476
.P84
S68
1926

ИВАН КУЗЬМИЧ ПРУТКОВ

СОВЕРШЕННО СЕРЬЕЗНОЕ

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

SOVERSHENNO
SER'EZNOE

a 00003 068049

„ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в 13-й тип.
„Мосполиграф",
„Мысль Печатника", Москва, Петровка, 17,
в количестве 10 000 экз.
Главлит № 44514
1926 г

СОБРАНИЕ
М.И. Чуванова

О РАСТРАТАХ

Нынче, любезные товарищи граждане, самое ходовое популярное слово—«растрата», и самый боевой лозунг—«борьба с растратой».

Не вру, граждане, — зачем мне врать? — а только давеча иду по улице, а навстречу — гражданинчик. Махонький: годков на девять; и при нем собачка — бывшей надворной породы.

Собачка, гляжу, задержалась у фонаря по своей мелкой надобности, а гражданинчик посвистал-посвистал и вдруг давай ее по имени кликать:

— Растрата! Растратка чортова! Иди сюда. Растратушка, куш-ту!

— Ну, думаю, ловко: приличную христианскую сучку этаким именем-фамильем опаскудили. Вот, думаю, до чего глубоко эта подлая растрата в жизнь въелась.

И что же вы думаете, граждане, — бежит той несчастный пес, подается на позорную кличку и даже сочувственно хвостом кивает.

Что ж говорить теперь о человеке, ежели даже собака до такого позора дошла?!

Итак, граждане, пора нам объявиться неблагополучными по растрате и, исходя из вышеуказанной собаки, серьезным образом взять быка за рога.

Кое-где сами граждане уже организуются для нужного отпора против этого нового бича трудовой республики.

Не совру, будто в один минут — раз! и готово, и пресекли бич в корне. Этого, конечно, нету. Но зато налицо обоюдное доброе намерение, каковое, не совру, есть залог победы.

Да вот, для примера, расскажу одну историю по борьбе с растратой.

На-днях дело было.

Три сознательных гражданина — Брыкалов, Чижиков и Маменькин — порешили добровольно укрепить свои организмы против растратной заразы.

— Братцы, — сказал Маменькин: — вношу предложение по существу. Ассигнуем, братцы, на это дело сумму в размере червяка с рыла. И пущай той червяк лежит у каждого в кармане, вроде будто казенная вверенная сумма. А через неделю — совместная проверка. Неужто растратим? Какое ваше мнение?

— Выдержим! — сказал уверенно Брыкалов: — А который растратит, пущай тот висит на черной доске, как показательный сукин сын, по гроб своей жизни.

— Единогласно! — заключил Чижиков: — Выкладывай червяки на просмотр.

Ладно, дорогие граждане. Выклали они по бумажному червяку, спрятали обратно, кто куда: Брыкалов очень самоуверенно — в кошелек, Чижиков — в трудкнижку, а Маменькин — голубчик разул правую ногу и в сапог деньги схоронил, от соблазна подальше. С тем и разошлись на неделю.

Через неделю обратно глаза кажут: на первом плане — Брыкалов, а перед ним целехонький червяк.

Вскоре пришел Чижиков. Жмется. А Маменькина нету.

— Ну, что? Не стерпел? — подступает Брыкалов к Чижикову.

— Зачем не стерпел? — отвечает Чижиков, а глазки в сторону отводит.

— А где же червяк? Выкладывай.

Полез Чижиков в карман — лезет и лезет, будто и дна достать не может. Наконец, все-таки достал.

Пять рублей бумажкой и на полтину серебра.

— Так, — зловеще отметил Брыкалов: — с чем и поздравляем. Растрата, очевидная для глаз... Констатирую факт.

— Обожди, стой.. — торопливо сказал Чижиков: — Ей-богу, вытащили в трамвае...

А глазами так и сигает в сторонку.

— Ага! — зловеще отметил Брыкалов: — Вытащили! Как по-писанному! А через почему такое пять с полтиной в наличии? Сдачи что ль сдали? Врешь, показательный сукин сын, растратная твоя душа!

А Чижикову и крыть нечем: знает, что врет.

В эту минуту Маменькин объявился — идет, на правую ножку хромает. Лицо очень пасмурное.

Брыкалов моментально — к нему:

— Где казенные вверенные деньги?

— А где же им быть? В сапоге... — отвечает довольно храбро Маменькин.

— А чего-й-то ты охромел будто?

— Охромеешь, ежели я, может, семь день из опасения не разувался.

— А ну, — говорит Брыкалов, — раскрывай кассу для ревизии.

Сел тут Маменькин на скамеечку, разул сапог, пошарил внутре, да вдруг — как завопит чужим голосом:

— Милицию! — вопит: — нету денег. Уперли!

А Брыкалов ему ехидно:

— Какой нонче вор пошел: деньги выймает, а сапог обратно одевает. Прямо, деликатный вор. Скажите на милость!

А Маменькину крыть нечем: сидит голубчик и сапогом в воздухе махает. Лицо пасмурное, и жилка под глазом прыгает...

В отчаяние впал.

— Да, — говорит: — не стану врать: есть я никто иной, как показательный сукин сын, и деньги, — говорит, — растратил я до копейки... Судите, — говорит, — меня по всей строгости закона...

Тут, дорогие граждане, не вытерпел человек: заплакал.

А на другом конце Чижиков-растратчик, схватив себя за бороду, ответный вопль подает.

Невозможно, граждане, вынести, ежели в человеке совесть заговорит. Очень трогательная картина.

Верьте или нет, но вдруг и Брыкалов в лице изменился, побурел и давай колотить себя в грудь.

— Братцы! Товарищи! — закричал Брыкалов отчаянно: — бейте меня в поганую морду сколько вгодно! Братцы! Не мой это у меня червяк! Напрокатный, у Горбунова взят на время ревизии! А мой-то, братцы, — ау! — растрачен этими подлыми руками. Братцы! Бей меня, в мою голову...

* * *

Вот, дорогие граждане, какая роковая показательная история случилась.

Но это ничего. В другой раз оберегутся.

Недаром сказано: не помучишься, не научишься. Так-то!

О МОСТАХ И ХУЛИГАНАХ

Ах, дорогие граждане, до чего нынче дошли хулиганы! До мостов дошли.

И добро бы, облюбовали какой-нибудь захудалый мостишко — досточку с перекладиной — какой-нибудь этакий симпатичный мосток в провинции через речку Поганку.

Так нет же, — понравились хулиганам наши замечательные роскошные мосты, которые через Неву.

Конечно, если строго говорить, б о л ь ш о м у х у л и г а н у — б о л ь ш о й м о с т. Большого хулигана досточка с перекладиной не удовлетворяет, будучи ниже его достоинства.

Что ему, например, делать на махоньком мосточке, которого, скажем прямо, и под ногами не видать?

Какой в нем есть масштаб для полета фантазии? Никакого. Пхнул его ногой — сиг, и нету.

А то ли дело, например, Республиканский мост.

Такой мостище — что твоя столичная сцена для Шаляпина.

Есть где развернуться с ног до головы и свою специальность выявить лицом.

На-днях, уважаемые граждане, даже рецензия о выступлениях на мостах была в «Красной Газете».

Рецензия такая:

«За последнее время хулиганство на мостах, покрывающих Большую Неву, достигло громадных размеров. Хулиганы бросают в пароходы камни, куски железа, весом иногда свыше 5 фунтов, гнилые тряпки, плюют и т. д.

На этих днях с Республиканского моста была брошена на пароход «Красный Богатырь» железная планка весом в $4^1/_2$ фунта, которая, к счастью, пролетела вблизи спины капитана.

Уже сейчас команды пароходов опасаются проходить под мостами»...

Как видите, дорогие граждане, рецензия — прямо курам на смех — голое перечисление фактов и предметов, бросающихся в глаза и в прочие части тела, и больше ничего.

А где же захватывающие дух подробности? Где детальное описание выдающейся работы самоотверженных хулиганов?

К счастью, на вопрос «где» — теперь мы можем с удовлетворением ответить:

«У нас под рукой. Не щадя, можно сказать, живота и всего прочего, мы рискнули среди бела дня отправиться на Республиканский мост. Мы беседовали с выдающимися представителями хулиганства. Мы видели их в разгаре разрушительной работы. Мы»...

Впрочем, не будем хвастаться.

Но насчет беседы с хулиганом Сенькой Губошлепом обязательно расскажем все-таки. Пущай, у кого оба уха в порядке, слышат.

Сенька Губошлеп встретил нас у себя, на Республиканском мосту.

Сенька Губошлеп, свесив ножку в клеше через перилки, зорко глядел вниз, на воду. Позади возвышалась груда камешков, железин, пивных бутылок и прочих принадлежностей художественного ручного ремесла, в том числе, например, — табурет на трех ножках, уличный газовый фонарик и могильная плита с кладбища. Солидная кирпичина красовалась в могучей руке Сеньки Губошлепа.

— Мое почтение, — сказали мы, держась на расстоянии пяти метров по метрической системе.

— А в рыло не хочешь? — отозвался хулиган, на секунду отведя глаза от воды.

— Дозвольте сесть на перилки... — осторожно сказали мы.

— Валяй, садись. Интересуешься?

— Точно так.

— Из начинающих?

— А то как же? Желаем в науку определиться...

— Можно.

Он протянул руку и назвался:

— Сенька Губошлеп. Будем знакомы.

— Очень приятно. Ванька Писарь... — назвались мы по фальшивому пачпорту.

При этом нашем псевдониме Сенька стрельнул обоими глазами:

— Не из газеты? Смотри, сукин кот, — ежели из газеты, всю середку выверну на свежий воздух...

Мы, конечно, поспешили сказать, что и мимо газеты не ходим, а не то что.

— Ну, ладно. Твой фарт, коли так, — сказал Сенька Губошлеп: — Не люблю я газет. Давеча чего написали — читать тошно. Будто — железо в 5 фунтов. Это у меня-то? Врут, стервы. Легче десяти и в руки не беру. Ну-ко прикинь, сколько весу?

С этими словами хулиган, играючи, протянул нам газовый фонарь.

— Да, — говорим, — игрушечка пуда на три, не говоря по метрической системе.

А теперича гляди в оба.

По зеркальной поверхности Невы, глядим, пароход нажаривает. И прямо, ей-богу, к угрожаемому пункту, к мосту. И что за народ такой оголтелый, ближе да ближе!

От страха у нас душа в мост ушла. Ну, — думаем, — тут пароходу крышка: наскрозь его газовый фонарь прошибет.

Нацелился Сенька, левый глазок прикрыл, а правым момент ловит. Сиг!

И голубчик фонарь с самой высоты по воздуху чиркнул.

Раздался плеск, испуганный свисток и крик Сеньки — Промах!!

Глядим, пароход уже по другую сторону моста.

Проскочил, значит, сквозь границу: радостный свисток дает.

Видим, на лице хулигана прямо лица нет, а на языке только матерное ворчание.

— Так и так, говорит, и растак. Промазал, говорит. Неверный угол прицела взял... Расперетак.

А на нас очень недружелюбно поглядывает: неловко перед новичком обмишуриться. Очень гордый и самолюбивый.

— Эх, — говорит, — хороший снаряд задаром пропал...

— Ничего, — говорим, — у вас еще в запасе надгробная плиточка имеется... Прямо, — говорим, — по первому разряду угробить ею можно...

А тут, на грех, уже и новая жертва напрямик к мосту пыхтит.

— Батюшки мои!

Читаем на борту надпись: «Красный Богатырь».

— Это ж, — говорим, — тот самый, что в газетке упомянут. Вы в его железной планкой, четырех-с-половиной-фунтовой, расстарались...

— Врет газета, пятнадцать с походом чистого веса было. Ну, теперь ты от меня не уйдешь.

Окинул взглядом свой арсенал и — так мы и знали — надгробную плиту ручкой ухватил.

А на плите надпись:

«Вдова коллежского регистратора...»

— Ну, думаем, не ожидала покойница, что посмертно в таком деле соучастие примет... Быть ей теперь в аду, без амнистии.

Между тем хулиган на перилки уперся и плиту над водой свесил — ждет.

И что же?

Заверещал пароход винтом, задний ход дает. А на носу — капитан громкоговорителем руки сложил.

— Ей, — кричит: — Какое у тебя, — кричит, — настроение характера? Можно ехать, аль нет?

Хитрый ловкач! — покорностью думает взять.

Но и Сенька Губошлеп не из березы сделан.

— Можно, — говорит, — езжай слободно.

А сам от плиты рук не отводит.

Однако пароход ни с места.

— А чего это у тебя в ручках? — допытывается капитан:— Отложь в сторонку, будь такой любезный.

А Сенька молчит, не отвечает.

— Не отложишь?

Молчание.

— Ну, ладно. Не поеду нонче через мост. Чорт с тобой.

Дал демонстративный свисток и тронулся обратно.

Остервенел Сенька Губошлеп. Что силы стало, размахнулся вдовьей плитой и — сиг, вдогонку пароходу.

Но не попал — больше полсотни метров было по самой новейшей заграничной метрической системе.

О БЕШЕНЫХ СОБАКАХ

Милостивые граждане и милостивые гражданки!

Вам всем небезызвестно о бешенстве собак, которое с каждым днем увеличивается и в ближайшее время будет доведено до довоенных норм.

Весьма возможно, что даже среди вас, уважаемые слушатели, есть не малый процент если не бешеных собак, то укушенных таковыми или собирающихся быть укушенными.

Поэтому вполне своевременно с моей стороны коснуться в небольшой лекции этого весьма интересного и популярного явления.

Итак, — о бешеных собаках.

Что сделано для борьбы с ними? Не ошибусь, если скажу — сделано очень много.

Во-первых, отдано распоряжение выводить собак только в намордниках и на цепочках. Каждая собака обязана, будучи на улице, иметь при себе хозяина. Свободное хождение собак без намордника, хозяина и цепочки строго воспрещается.

Во-вторых, образована специальная тройка по борьбе с бешенством, в которую уже вошло 45 человек и входит с каждым днем по десятку новых членов тройки.

Таким образом, граждане, перед вами налицо два важных мероприятия, после которых каждая сознательная бешеная собака должна была бы моментально исчезнуть с лица наших улиц.

Но, увы! — граждане, — вынужден констатировать как раз обратное явление: бешеные собаки не только не исчезли с лица наших улиц, но напротив — плодятся и множатся, как сказано в библии.

И, вообще, на улицах появилось столько собак, имеющих свободное хождение без цепочек, намордников и хозяев, — как никогда раньше.

Странно, необъяснимо с научной точки, а между тем — голый факт.

Этим любопытным явлением, как говорят, заинтересовалась даже тройка.

По частным сведениям, в распоряжении тройки имеются следующие статистические данные:

1) на тысячу собак приходится: в намордник — $^1/_2$ собаки, в цепочке — $^2/_3$ и в хозяине — $1^1/_2$ собаки;

2) из десяти собак—бешеных, оказывается,—одиннадцать.

Цифры ужасные! — Цифры, заставляющие серьезно задуматься и поднять волосы дыбом.

Граждане! Куда мы идем, будучи окружены со всех сторон, сверху и снизу, такой опасностью?..

И не пора ли каждому гражданину самостоятельно сорганизоваться в тройку?

Положение собачье. А время не терпит, и не сегодня-завтра каждый из нас легко может оказаться жертвой водобоязни.

В одно прекрасное утро подойдет несчастный к умывальнику и, оскалив зубы, бросится прочь, неумытый...

Итак, граждане, тройка заседает, собаки без конца шмыгают по улицам, больные или здоровые, но обязательно с зубами и без намордников.

Как узнать, которая бешеная, которая нет? Какой собаке можно кусать и какая не имеет права, угрожая заразой?

Оказывается, граждане, для распознания имеются два диаметрально противоположные предмета: поджатый хвост, помещенный сзади, и пена, вытекающая спереди — из пасти.

При наличии пары глаз, любой гражданин может одновременно заглянуть с двух угрожающих концов и определить с быстротой молнии, какая собака его укусит: бешеная или общедоступная.

Но, граждане, должен внести существенную поправку: не у каждой бешеной собаки идет изо рта пена и не каждая собака имеет хвост.

Удивительно, но это факт: по данным той же статистики, на десять собак приходится две бесхвостых, т.-е. таких, которым в бешеном виде нечего поджать.

Это, граждане, самый ужасный вид собаки.

Недавно был такой случай. В центре — не то на площади Восстания, не то на Лассале — появилась громадная подозрительная собака. Бегает и кусает граждан, кого за что придется: народу много и разбирать некогда.

Конечно, паника. К милиционеру кинулись. Милиционер за револьвер. Щелк — осечка. Щелк — попал. То-есть, конечно, не в собаку, а неизвестно куда. А собака продолжает докусывать оставшихся.

Но тут нашелся внимательный, не потерявший присутствия духа гражданин.

— Братцы, — кричит, — это не настоящая собака! Не пужайтесь напрасно. У нее, глядите, хвоста нету. А был бы хвост, она бы беспременно кверху держала.

Нашлись такие, что поверили: пущай кусает, раз хвост не поджат.

Насчет пены тоже можно ошибиться. Иногда и пены много, а бешенство не причем.

Тоже был случай. В доме, — на какой улице, не помню, — прибегает к управдому девица. От страха лицо на затылке.

— Караул! — кричит: — В квартире... взбесилась... пена так и льет, так и льет!

Управдом, дворник, казначей — бросились бежать. Не в квартиру, конечно, а к телефону.

Дали знать в милицию, в угрозыск, в пожарную часть и в тройку.

Прибегают все, вооруженные до зубов.

— Где взбесилась? Кто? Чья собака?

Оказывается, и собаки никакой нету. А пена была: из бутылки кваса пробку даже вышибло.

А девица — существо пугливое — при виде пены и хвост поджала...

Смех-смехом, граждане, а все же надо быть на-чеку и всемерно содействовать официальным представителям борьбы с бешенством.

Итак, кто еще не имеет собаки, купи цепочку и намордник.

А которые имеют, — все равно, черти, не купят.

СЕМЕЙНОЕ ГОРЕ

Граждане, приступая к текущему докладу, должен сделать внеочередное заявление насчет подачи своего голоса. Как есть я нонче охрипши, и голосовать буду не очень прозрачно.

А почему такое — почему охрипши? Почему не прозрачно?

Скажете: от винторга? Даже, ей-богу, — в рот не брал.

И на хулиганском побоище в Таврическом саду не участвовал.

Окончательно, не то и не другое.

А причина хрипоты, — хоть я есть одинокий, бездетный холостяк, — самого семейного характера и очень уважительная...

Итак, граждане, прошу не кричать, не верещать и ножками не демонстрировать, ежели я вдруг по-куриному петуха пущу. Прошу снисхождения и все-такое...

А теперчи приступаю к изложению.

Кто из нас, дорогие граждане, не читал о налоге на бездетных и холостых? Поднимите руки.

Никого нету. Единогласно. Стало быть, все читали и знают об этой надвигающейся опасности.

Теперчи второй вопрос: у кого из вас волосы не становились от этого дыбом, а именно торчком?

Так-с. Считаю поднявших руки. Итак, не становились торчком или дыбом — у девяти граждан, но по очевидной

и веской причине — отсутствию таковых волос на голове, вследствие безвременной лысины.

Опустите, лысые, ваши ручки, и идем дальше.

Сущность бездетного и холостого налога всем известна, и я не буду распространяться, так как время — деньги.

Перехожу, граждане, к истории, через которую я так нагло охрип, до потери голосовой трудоспособности на сорок градусов.

Граждане! Вчера это случилось.

Шел я, одинокий и бездетный холостяк, по улице. Дай, думаю, зайду в семейный очаг Ерофеева, Петры Кузьмича.

Захожу, и что же?

Весь семейный очаг с места сдвинут, и промеж Петры Кузьмича с его дорогой супругой Марьей Никаноровной — огромадная перепалка.

— Так и так, — кричит очумевший Петр Кузьмич, подступаясь к супруге индюком: — Даже очень удивительно это слышать от тебя. Дура, — кричит, — ты африканская!

— От африканского дурака слышу, — возражает Марья Никаноровна.

— Что? — немедленно орет Ерофеев, Петр Кузьмич, — это я-то африканский дурак? — и руками махает.

Тут я, граждане, дружески навалился на Петра Кузьмича:

— Не махайте, — говорю, — руками, Петр Кузьмич... Благородный человек должен без членовредительства свое происхождение доказать.

И к супруге обращаюсь:

— Сохраняйте спокойствие, Марья Никаноровна. Сейчас вам Петр Кузьмич засвидетельствует, какой он есть дурак, африканский или просто тутошний, не привозный... Предоставляю вам слово, гражданин Ерофеев.

Первое дело, граждане, — в законное русло ввести неорганизованные выступления.

— О чем, спрашиваю, у вас тихая беседа?

— О детях, — говорит Петр Кузьмич. — О детях, через пагубное неимение каковых, вследствие бойкота жены, должен и платить налог.

— Какой такой налог? — спрашиваю я, будучи всецело не в курсе.

— Да налог же на холостых и бездетных.

Тут, граждане, от этих слов я, одинокий и бездетный холостяк, вроде бы обмер.

— А много ли платить? — спрашиваю.

— По девятому, — говорит, — разряду двадцать пять процентов всего заработка... Четверть, стало быть, всего капитала.

Волосы, граждане, у меня — дыбом или торчком.

И ножки ослабли.

— Батюшки, — думаю, — я же и есть, как на грех, холостяк девятого разряда!.. Что ж это?

Сел я, граждане, на что попало, в полном расстройстве организма.

— Как же теперича быть-то, Петр Кузьмич?

— А так, — говорит, — что безотлагательно требуется ребенок. Подай откуда хошь.

— Откуда ж, — говорю, — его подашь? Ребенок, — говорю, — не блоха — с полу на тебя не прыгнет... Ребенка, — говорю, — девять месяцев носить надо, ежели кто умеет. А я, — говорю, — даже бесповоротно на это неспособен, будучи не прекрасного пола.

— Не надо, — говорит Кузьма Петрович, — самому носить: другие принесут. Бывает, что и подкидывают младенцев. Три месяца назад подкинули нам на крыльцо. Я, было, взял, а жена — против: не хочу, говорит, щенков с улицы. Вот-те и не хочу! Плати теперя налог!

— Врешь! — снова схватилась Марья Никаноровна: — сам ты говорил, что с ребятами возня. Сам же и в казну его сдал! Сам!

И снова, граждане, пошла писать губерния.

А у меня эти слова насчет ребенка крепко засели. Бочком-бочком — да и смылся я из пылавшего семейного очага.

Выбег на вольный воздух.

— Ну, — говорю себе, — Ванюха! Гляди в оба: нет ли где на твое холостое счастье подкидыша...

Я — туда, я — сюда. Опасаюсь, чтобы не перехватили. Всю лестницу излазил в поисках. Но нету.

Попался навстречу мальчишка.

— Стой! — кричу: — часом не подкидыш?

— От подкидыша, — отвечает, — слышу.

А как их разберешь, ежели я одинокий бездетный холостяк?

В большом беспокойстве, граждане, шел я, куда ноги глядят. Впереди — публика.

Как вдруг гляжу — народ к крыльцу сиганул. Я за ними.

Бегу и слышу: верещит на крылечке не то крыса, не то котенок.

— Обязательно, — думаю, — это и есть. Только бы поспеть раньше.

Подбегаю, граждане, и действительно: лежит этакий плюгавенький подкидыш, ручками-ножками треплет.

— Мой! — кричу: — мне подкидан! — и хватаю его за первую попавшую конечность. Оказалось, что-то в роде руки.

— Готово! — кричу, — мой.

Но не тут-то было. Набежал народ — хвать! Тянут его, каждый к себе.

Что тут делать?

Не выпуская из рук захваченной части, становлюсь на крыльцо и кричу во весь голос:

— Граждане, охраняйте порядок! Организованно, прошу вас! Не тяните младенца, как он есть жидкий и неустойчивый элемент. Граждане! Одним словом, руки прочь!

Но мои слова не производят никакого фурора.

Я кричу, и все кричат. Я громче, и они — громче. Тут у меня и голос сорвался. Однако, не сдаю позиции и остаюсь на страже.

— Граждане! — ору: — Взываю к вашей сознательности. Которые семейные, детные, — отойди в сторону... Не зарься на холостецкую долю!

— Нету, — кричат, — таких: все холостые — бездетные, всем дите до-зареза надобно.

— Ладно, — говорю, — нас много, а дите, как ни верти, одно единственное и неделимое. Как же быть?

А сам, между прочим, за конечность его держу. Оказывается, это была не ручка, а наоборот — нога.

— На узелки давай разыграем, — подали голоса из холостой толпы.

Ну, ладно. Разыграли дите на узелки. Но как мне в беспроигрышной лотерее не везет и всегда — открытки, то остался я, одинокий холостяк, без подкидыша и без голоса.

И даже никакой открытки не получил. И тую ногу, что держал, пришлось вернуть счастливцу.

Теперчи хожу, граждане, в поисках подкидышей, но нету — хоть шаром покати. Окончательно и бесследно вывелись. Были да вышли.

А почему? А потому, что нету таких дураков, чтобы свое добро на улицу выкидывали, под угрозой налога.

Для предъявления фининспектору берегут.

КРАСНЫЙ КАРАНДАШ!

Не думал я, граждане, что Нат Пинкертон и другие Шерлоки Холмсы существуют в действительности на земном шаре. А, между прочим, оказывается — не только существуют на земном шаре, но даже и у нас, в СССР.

Об одном таком Пинкертоне рассказал мне пострадавший мой знакомый, Петя Клепиков.

— Врешь ты, ей-богу, Петя! — усумнился я, будучи по матери человек недоверчивый, как контрольная комиссия или того хуже.

Но он очень горячо ударил себя в белую грудь и опроверг мою клевету:

— Исправдом, — говорит, — по ком плакал? По мне плакал. Спасибо, — говорит, — что происхождение и малосознательность у меня в порядке, а то, братец ты мой, заместо «принимая во внимание, условно» — кормить бы мне безусловно исправдомских вшей! В такую я историю через Пинкертона влип!..

А история, по его словам, рисуется так. За что купил, граждане, за то и продаю.

На волжском пароходе все произошло.

Приспичило Пете Клепикову, как говорится, по естественной надобности. А человек он застенчивый, на пароходах до этого не плавал и с порядками не знаком: что, где и как.

Сунулся, было, к борту — нет, думает, высоко и неудобно: народу кругом много. Надо, думает, самосильно потерпеть до Астрахани. Но не дотерпел Петя до Астрахани и, не доезжая Рыбинска, обратился за справкой к матросу:

— А что; — спрашивает, — как тут у вас, вообще, насчет того, куда бывший царь пешком ходил?

Оказалось, что место тут же, под лестницей.

И такое оказалось местечко — не оторвешься: чистота, блеск, дверка—крашеная, над головой в ящике вода булькает, лампочка на десять свечей, а с боку — цепка, и ручка на ней фарфоровая. Дергай за ручку, сколько душе угодно. Комфорт, прямо, европейский. Очень приглянулось Пете это задумчивое местечко. До тех пор досидел, пока не стали в дверь снаружи ломиться. Ну, ладно. Вышел обратно, на вольный речной воздух и забыл думать о выдающейся уборной.

Ах, дорогие читатели, — не знает человек, через какую дверь придет к нему беда! Судьба скрыта от таких взоров...

А пришла беда к Пете через эту самую дверь пароходной уборной.

Лучше бы ему было дотерпеть до Астрахани!

Толкается Петя на другой день по палубе и видит — откуда ни возьмись, гражданин в кепочке.

Лицо обыкновенное, без особых примет; одежда холщевая. То к одному, то к другому — обходит всю публику и чего-то выспрашивает.

Любопытство заело Петю Клепикова: чего, думает, он выспрашивает? Не куда ли бывший царь пешком?

А гражданин тем часом подкатился к нему. Откозырял кепкой и спрашивает:

— Нету ли у вас, товарищ, на мое счастье, карандашика и, при всем том, красного? До-зареза надобно, а свой на берегу забыл... Уважьте в моей просьбе...

А карандаш у Пети в-аккурат в кармане.

— Можно! — говорит: — А нешто на всем пароходе не оказалось?

То-то и горе, что не оказалось.

— Странно, но факт! — изумился тут Петя и плечом повел: — Как мы с вами люди сознательные, просто удивительно: ликвидация неграмотности, и вдруг нету красного карандаша! Вот вам, товарищ, нужный карандаш, как есть именно красный. Будьте нами любезны.

Взял незнакомец карандаш, чиркнул по стенке и вдруг как крикнет:

— Он самый!..

И Петю Клепикова за рубаху схватил.

— Ага! — кричит, перейдя интимно на «ты»: — Попался, прохвост. А ну, гуляй за мной!

— Что такое, товарищ? — остолбенел Петя с ног до головы: — Вам же карандаш, и вы же лаетесь! Странно, но факт!.. Молчи! — кричит человек в кепке: — Я тебе покажу факт! Ятебе через этот рукописный факт в исправдом упеку! Гуляй за мной!

— Куда это гулять? — уперся Петя Клепиков: — никуда я даже не загуляю за вами! Странно, но факт!..

А на крик, конечно, пароходная публика сбежалась.

— Кого, — спрашивают, — бить?

Дело дрянь. Зашагал Петя Клепиков поспешно за гражданином в кепке.

А тот — прямиком к уборной и гостеприимно дверь распахнул.

— Ты писал?

Взглянул Петя на дверку, но не подает виду, что его рука. Действительно, правда — он писал. Как дорвался вчера до уборной, действительно, писанул по старой привычке: дверка-то крашеная, чистая, словно лист бумаги; как не написать, при наличии карандаша? На что и грамота человеку, ежели не писать?

Но все-таки уперся.

— Ничего подобного, товарищ. Нисколько не я...

— А кто же? Написано красным, а красный карандаш, по наведенным мною справкам, обнаружен только у тебя.

— Вот стервяк — до чего ловко раскрыл! — озадаченно подумал Петя Клепиков: — чего теперя врать-то?

— Слышите, товарищ, да я же, — говорит, — ей-богу, ни читать, ни писать не ликвидирован. Как же я, будучи всецело неграмотный, мог написать это самое... «долой большевиков»?

— Стоп! — кричит ядовито кепка: — Откуда же ты знаешь, что тут написано, будучи неграмотным? Нет, парень, не обманешь! Ты есть автор инкриминируемой заметки и будешь ты на первой остановке препровожден в суд!

— Ладно... — думает про себя Петя: — хитер ты, да не очень. Суд-то ноне улики требует. А улика-то эвот где, в пароходном клозете... Улика-то в Астрахань поедет...

Но и тут, граждане, постигло Петю Клепикова неожиданное разочарование.

Неизвестно, какие такие документы предъявил Пинкертон пароходному капитану, но только беспрекословно и немедленно сняли матросы уборную дверь под расписку Пинкертона, что мол — «временно изъята таковая дверь из парохода в качестве вещественного доказательства для предъявления в суд».

И самому Пете Клепикову пришлось тую дверь на себе тащить — позор на весь волжский водный путь.

А на суде какой-то остряк, увидав улику в форме двери, пришитой, так сказать, к делу, — сказал:

— Это, граждане, первый случай, когда суд происходит при снятых дверях.

О КЛОПАХ

Ну, граждане, что такое происходит среди бела дня! Уму непостижимо и не поддается описанию.

Сегодня, граждане, я вынужден взять очень мелкую, на первый взгляд, но чрезвычайно серьезную и ударную тему дня, а именно — клопа.

Что есть к л о п?

Конечно, не секрет, что клоп есть домашнее животное, вроде, например, курицы, собаки и тому подобного.

Просвещенные ученые, интересующиеся этим вопросом, разделяют клопов на капустных, хлебных, ягодных и постельных.

Капустный клоп кушает капусту, но не отказывается также от репы и редиски.

Хлебный клоп,— он же черепашка, — питается рожью и пшеницей, особенно обожая озимые хлеба. Печеным хлебом не интересуется и в булочные, как частные, так и кооперативные, не заходит.

Ягодный клоп, как легко догадаться, торчит на ягодах, будучи на вкус и цвет менее приятен, чем самые ягоды.

И, наконец, граждане, — клоп постельный.

В отличие от капустного, кушающего капусту, и хлебной черепашки, кушающей хлеб, — постельный клоп постели и в рот не берет, а питается исключительно мясом, т.-е. гражданами всего мира.

Отсюда мы видим, что этот подлый и кровожадный паразит нисколько не отличается от буржуев и капиталистов.

И даже хуже их — потому что садится трудящимся не только на шею, но и на все прочие составные части тела.

Конечно, граждане, клопы капустный, хлебный и ягодный, хотя и есть они принципиальные вегетарианцы, для нас неприятны и зловредны. Сказано: «кто не трудится—не ест», а они лопают чужую капусту и чужой хлеб.

Но особенно недопустимо гнусное поведение постельного клопа: он нагло вваливается в постель трудящегося, не щадя ни его жены, ни детей, ни его самого, и употребляя их всех в пищу.

Обидно ж, граждане, такое совместительство: ты, скажем, ответственный руководитель кружка или управдом, или член общества «Руки прочь от Китая» и одновременно — дешевая питательная пища для какого-то насекомого паразита!

Этот факт, граждане, возмутителен сам по себе, но он приобретает особое значение в связи с текущими событиями дня.

Граждане! Клоп наглеет. Клоп захватывает рабочие жилища, выбрасывая рабочих на улицу.

Со всех сторон СССР приходят эти грозные известия.

Наконец, мало того — клоп организованно вышел на улицы, площади и мосты, переименованные и непереименованные.

Клоп свободно разгуливает, не считаясь с правилами уличного движения и пересекая улицу не под прямым углом.

Завидев пешехода, клоп с остервенением бросается за ним со всех шести ног и преследует несчастного до тех пор, пока из него дух вон. После чего впивается в настигнутую жертву.

Все внимание граждан поглощено клопом, о нем только и говорят в семейном кругу и на собраниях, а международное положение и текущие вопросы — отодвинуты на задний план.

Не подумайте, граждане, что это наша фантазия. Увы! Об этом уже кричит и «Рабочая Газета» в целом ряде заметок. Слушайте, что пишут с мест:

Обнаглевшие клопы.

На приисках Валериановской группы (Урал) клопы до того обнаглели, что ходят по улице и нападают на прохожих, как только человек остановится, хотя бы на минутку.

Рабкор Зубастый.

Помогите, грызут!

На заводе бывш. Калинина, ныне Моссельпром, в общежитиях житья нет от клопов. Днем они прячутся, но как только, наступает ночь, как только — темнота, так сейчас же начинается клопиная вакханалия. Тараканы — и те клопов боятся, удирают, прячутся. Клопов так много, что они заполняют собою всю жилую и живую площадь. Они беспощадны. Рабочие никогда не спят. Борьба с клопами поглощает все свободное от работы время. Разговоры рабочих —все только о клопах, других разговоров нет никаких. И чего только не делали рабочие! Сколько усилий, денег, времени ушло на эту борьбу, но все тщетно. А администрация, а Моссельпром — их это как будто вовсе не касается.

Мы взываем к добрым гражданам:

— Помогите, грызут!

Рабкор Аффо.

А вот, граждане, и еще один вопль:

Клопы и администрация.

В Новом-Писцове, Иваново-Вознесенской губернии, в старом фабричном корпусе устроено общежитие для рабочих. Рабочие по ночам не спят, а все время воюют с паразитами. Несколько раз заявляли об этом местной охране труда и фабкому. Но в ответ получили предложение — «вывести собственными силами».

Рабкор Бдительный.

Таковы, граждане, донесения с фронта.

Что ж это, граждане?! Куда мы идем и где сядем?!

И неужто близок день, когда с ужасом и с отвращением мы будем читать такие заметки:

Буйство клопа на Пречистенке.

Вчера вечером на Пречистенке, возле дома 15, появился клоп, искусавший прохожих. Особенно сильно пострадала гр. Анна Иванова, 35 лет, у которой прокушена ягодица. Милиционер Петров, пытавшийся задержать буйного клопа, по пути в район, подвергся нападению клопов-хулиганов, отбивших своего соратника.

Пострадавшие гр. Иванова и милиционер Петров отправлены в больницу им. Достоевского.

. . . . . .

Смешно, граждане? Нет, нисколько не смешно, а напротив — мурашки по коже бегут при виде таких возможных перспектив.

Что же делать?

Довольно, граждане, лени, разгильдяйства в этом серьезном вопросе!

Не давайте спать администрации, — пущай обернется личиком к надвигающимся клопам!

Даешь персидский порошок, клоповаров и руководителей по борьбе с клопами!

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
О растратах	3
О мостах и хулиганах	7
О бешеных собаках	12
Семейное горе	16
Красный карандаш	21
О клопах	25

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА

Москва, Кузнецкий Мост, 13.

Библиотека Сатиры и Юмора.

Андриевская, Н. Невероятно, но факт.
Грамен. Твердые понятия.
Грин, А. С. Капитан Дюк.
Иванов, Всеволод. Нежинские огурцы.
Инбер, Вера. Соловей и роза.
Козырев, Михаил. Инвалид Чуфыркин.
Лебедев (Кумач). Чаинки в блюдце.
Левин, Б. Гвоздь в сапоге.
Никулин. Бацилла искренности.
О. Л. Д'Ор. Марксистский подход.
Павлов, Вл. Ни к селу, ни к городу.
Петров, Евгений. Радости Мегаса.
Самсонов, Б. Заметки беспокойного.
Толстой, Алексей. Тараканьи бега.
Шишков, Вяч. Радио-Сатана.

Цена каждой книги 10 коп.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, Лубянский пассаж, № 25—30. Торгсектор Издательства „Земля и фабрика". Тел. 3-44-44.

Москва, Столешников пер., № 5, маг. „Земля и Фабрика". Телеф. 3-56-83.

Ленинградское Отделение: Ленинград, Проспект Володарского, 31. Тел. 2-43-08.

Харьковское Отделение: Харьков, Троицкий пер., № 2.

Цена 10 коп.

Адрес издательства
Москва, Кузнецкий Мост, 13. Тел. 4-82-73

Адреса магазинов
№ 1 — Столешников пер., 5. Тел. 3-56-83
№ 2 — Никольская, 12. Телеф. 2-85-32

Центральный книжный склад
Лубянский пассаж, пом. 25—30, Тел. 2-31-78

Отделение в Ленинграде
Проспект Володарского, 31. Тел. 2-43-08

Отделение в Харькове
Троицкий пер., 2